

Ночь опускалась на землю, и во время ужина У Се упомянул, что в деревне вот-вот начнется представление — народная опера, которую готовят к празднику поминовения предков, и труппа музыкантов уже приступила к репетициям. Хэй Сяцзы принялся ворчать, что шум мешает людям, однако Се Юйчэнь отставил палочки в сторону, слегка нахмурился и тихо произронил: Эта манера исполнения... довольно необычная. Все внимание присутствующих тут же переключилось на шумные звуки барабанов и гонгов, доносившиеся из-за окна.

Ночь, подобно теплому куску черного нефрита, мягко окутала Юйцунь. В маленьком дворике дома У Се зажегся теплый желтый свет, отгоняя горную прохладу. Четверо сидели вокруг старого чайного подноса из древесины вяза. Высший сорт Цзинь Цзюнь Мэй, принесенный Се Юйчэнем, раскрывал свой глубокий аромат под струей кипятка; клубящийся пар размывал черты лиц и стирал границы между собеседниками.

Хэй Сяцзы глубоко вдохнул, изображая восторг: Ну что сказать, Господин Хуар — это уровень. Мало того что сам пожаловал, так еще и принес с собой дух небожителей. Этот аромат чая в одно мгновение вытеснил наш деревенский запах сырости. Он взял в руки эмалированную кружку с надписью Труд почетен — резко контрастирующую с изящной белой фарфоровой чашкой Се Юйчэня — и осторожно отпил, после чего с театральным вздохом заключил: Хорошо! Вот это я понимаю — жизнь!

У Се с улыбкой подлил ему воды: Есть что пить, вот и молчи. Не помню, кто тут только что орал так, что вся деревня слышала.

Всякое бывает! — Хэй Сяцзы нашел оправдание и повернул голову в темных очках к Се Юйчэню. Это как затяжная засуха в ожидании благодатного дождя или встреча со старым другом в чужих краях... Хотя засухи у нас нет, да и Господина Хуара старым другом не назовешь. — Он сменил тон на вкрадчивый и елейный: Это нужно называть... встречей золотого ветра и нефритовой росы!

Рука Се Юйчэня, державшая чашку, не дрогнула, он даже бровью не повел, лишь сухо ответил: Еще раз коверкаешь стихи — останешься без чая.

За шутками да прибаутками беседа, словно чайные листья в чашке, начала медленно то подниматься, то опускаться. Кто-то неосторожно обронил фразу, и шлюзы памяти тихо приоткрылись. Те странные, фантазмагорические обрывки прошлого, погребенные под слоями времени, вместе с запахом пыли, пота и крови вновь всплыли посреди спокойного аромата чая.

Хэй Сяцзы сразу оживился, словно рассказчик, владеющий эксклюзивными сплетнями.

Раз уж мы об этом заговорили, ох, вы даже не представляете! — он с размаху хлопнул себя по бедру и подался вперед, явно целясь в Се Юйчэня. Наш Господин Хуар, с виду — чисто небожитель, холодный и отстраненный, словно не знающий земных забот. Но тогда в Панае... о-хо-хо...

Он намеренно сделал паузу, мастерски нагнетая интригу, пока даже Чжан Цилин не повернул

голову, прислушиваясь. Только тогда Хэй Сяцзы, довольный собой, продолжил:

Мы тогда пролезали в тот подземный водный тоннель, дорога была узкая, скользкая, сплошь покрытая склизким мхом. Наш Господин Хуар — глава семьи Се, мастер боевых искусств, каких поискать, — вдруг решил потягаться с этой тропой. — Он начал имитировать те события, раскачиваясь и принимая позу человека, старающегося удержать равновесие. — И вот так, споткнувшись левой ногой о правую, он выдал: Ай!

Он растянул гласные, и, заметив, как пальцы Се Юйчэня сжались на чашке, с ухмылкой раскрыл финал: Нет, он не упал! Просто, пытаясь удержаться, принял такую позу — честное слово, Золотой петух на одной ноге в сочетании с Белым журавлем, расправляющим крылья, — и в итоге скрутился в узел, намертво вцепившись в сталагмитовую колонну, с которой капала вода! Вцепился так крепко, что нам с У Се пришлось потратить уйму сил, чтобы буквально отдирать его оттуда!

У Се уже лежал на столе, сотрясаясь от смеха. Уголки губ Чжан Цилина в неверном свете лампы, казалось, едва заметно приподнялись.

Хэй Сяцзы разошелся не на шутку: А потом, когда всё закончилось, наш Господин Хуар даже не покраснел и не запыхался. Первым делом он невозмутимо поправил одежду, стряхнул несуществующую пыль и предельно серьезно мне заявил: Тот эпизод запомни — надо будет доработать технику работы ног. — Он в точности скопировал холодный тон Се Юйчэня.

Ха-ха-ха! — У Се, окончательно потеряв самообладание, забил ладонями по столу. — Слепой, ты серьезно? Почему я этого не помню?

А разве я могу врать? — Хэй Сяцзы вскинул подбородок, указывая на Се Юйчэня. — Не веришь — спроси его самого! Господин Хуар, посмеешь отрицать?

Се Юйчэнь наконец поставил чашку, фарфор издал звонкий щелчок о дерево. Он поднял глаза, и его взгляд, спокойный, как вода в глубоком омуте, скользнул по торжествующему лицу Хэй Сяцзы. Он не стал оправдываться, в нем не было ни капли смущения.

Он плавно поправил манжеты с грацией и спокойствием, а затем, тем самым неповторимым голосом, от которого в летнюю жару веяло прохладой, не спеша произнес:

По сравнению с неким господином, который в Юньнани бегал по всему склону от павлина в период спаривания, выкрикивая на бегу: Братец, пощади!, а в итоге спасся лишь спрятавшись в женском туалете... — он сделал паузу, словно вспоминая забавную деталь, и продолжил: — Мое объятие колонны для тренировки баланса кажется не такой уж выдающейся новостью.

Во дворе воцарилась тишина.

Мгновение спустя У Се разразился хохотом, который был в десять раз громче прежнего, чуть не свалившись со стула и хлопая себя по ногам: Павлином?! В женском туалете?! Слепой! Ха-ха-ха! Было такое?! Почему ты никогда не рассказывал?!

Чжан Цилин, который всегда предпочитал хранить молчание, на этот раз издал отчетливый, едва слышный выдох — то ли от бессилия, то ли от искреннего веселья.

Улыбка на лице Хэй Сяцзы мгновенно застыла, очки едва не съехали с переносицы. Он вскочил, словно кот, которому наступили на хвост, вытянулся в струнку и, тыча пальцем в Се Юйчэня, долго не мог подобрать слов, наконец выдавив: Ты... ты... ты! Се Юйчэнь! Как ты можешь! Договаривались же, что это останется тайной! Это был стратегический маневр! Стратегический маневр, понимаешь?! У того павлина со зрением плохо, он принял меня за конкурента! Разве я стану спорить с птицей?!

Чем больше он оправдывался, тем сильнее смеялся У Се.

Се Юйчэнь сделал еще глоток, и пар скрыл легкую, победную улыбку в уголках его губ. Он не стал развивать успех, просто сидел тихо, словно это не он только что произнес эти ошеломляющие слова.

Этот вечер воспоминаний о былом, начатый Хэй Сяцзы, закончился его же социальной смертью и абсолютной победой Се Юйчэня. Двор был наполнен весельем, даже ночной ветер, казалось, смеялся вместе с ними.

Хэй Сяцзы с досадой отхлебнул чаю и пробормотал под нос: С кем поведешься, от того и наберешься... Но взгляд, скрытый за темными стеклами, то и дело возвращался к Се Юйчэню, и в нем не было ни грамма злости — лишь неописуемая, ставшая еще более непринужденной близость после того, как все старые грешки были выставлены напоказ.

Именно в таких беззаботных подколах и взаимных разоблачениях закалялось доверие, рожденное совместно пережитыми опасностями, невысказанными тайнами и грузом прожитых лет. Их отношения давно вышли за рамки простого товарищества: это была связь людей, которые, не раздумывая, доверят друг другу спину в кромешной тьме.

Аромат чая струился вверх, старые обиды растворялись, как дым, обретая в разговорах новую жизнь.

Однако в этот самый расслабленный и гармоничный момент внезапный, несколько беспорядочный бой гонгов в сопровождении пронзительных звуков суоны донесся с деревенской площади неподалеку, нарушив ночную тишину.

Хэй Сяцзы, только искавший повод сменить тему, тут же нахмурился с явным отвращением: Опять! Опять! Эти проклятые барабаны, стучат и днем, и ночью, никакой жизни от них нет! Это не опера, это какой-то разгром храма!

Се Юйчэнь же слегка склонил голову, прислушиваясь к шуму, смешавшемуся с ночной тишиной. Его красивые брови едва заметно дрогнули, будто он уловил в этом грохоте нечто необычное.

Он поставил чашку и произнес, и голос его, хоть и негромкий, заставил веселье стихнуть:

Эта манера исполнения... ритм задан как-то странно. Совсем не похоже на местный стиль.

<http://bllate.org/book/21840/2264168>